

УДК 655.552.80

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Х. КУССЕ «КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА. ВВЕДЕНИЕ». / Х. КУССЕ; ПЕР. С НЕМ. М. НОВОСЕЛОВОЙ. (КАЗАНЬ: ИЗД-ВО КАЗАН. УН-ТА, 2016. 372 С.)

© Наиля Фаттахова

REVIEW OF THE MONOGRAPH “CULTURAL LINGUISTICS. AN INTRODUCTION” BY KUSSE H. / H. KUSSE; TRANSLATED BY M. NOVOSELOVA. (KAZAN: KAZAN UNIVERSITY PUBLISHING HOUSE, 2016. 372 P.)

Nailya Fattakhova

Выдающийся немецкий ученый Хольгер Куссе известен в нашей стране как лингвист и славист, директор Института славистики Технического университета Дрездена, член немецкой Академии наук и литературы (Майнц). Доктор филологических наук, профессор Хольгер Куссе – один из основателей культуроведческой лингвистики – опубликовал в издательстве Казанского университета свой фундаментальный труд «Культуроведческая лингвистика. Введение» [Куссе, 2016], который является в определенном смысле итоговым и обобщает ряд наблюдений автора, обсуждаемых в работах последних лет: «Союзная сочинительная связь в проповедях и политических речах» [Кибе, 1998], «Метадискурсивная аргументация. Лингвистические исследования по русскому философскому дискурсу от Ломоносова до Лосева» [Кибе, 2004], «Толстой и язык мудрости» [Кибе, 2010], «Культуроведческая лингвистика» [Кибе, 2012]. К сожалению, данные работы не известны широкому кругу российских ученых, так как написаны на немецком языке, поэтому выход в свет монографического исследования на русском языке позволит познакомиться с оригинальной теорией автора. Многоаспектность обсуждаемых в ней проблем и новизна многих авторских решений позволяют не сомневаться в том, что данная работа найдет благодарных читателей и последователей.

Книга состоит из предисловия, одиннадцати глав, иллюстраций и библиографии.

Первая глава вводит в круг обсуждаемых проблем, определяет задачи и цели исследования. Основной теоретический инструментарий, используемый автором, выглядит следующим образом: культурологическая и культуроведческая лингвистики, гумбольдтианский и дискурс-

сенситивный аспекты, дискурс и метадискурс (внешний и внутренний). Устанавливая различия между культуроведческим и гумбольдтианским подходами, проф. Х. Куссе указывает на одно, с его точки зрения, существенное различие, а именно: культурологический, или гумбольдтианский, «ориентирован на *один* язык и *одну*, относящуюся к нему, национальную культуру, ...которые рассматриваются как *единство*» [Куссе, с. 19]. Культуроведческая, или дискурс-сенситивная, лингвистика не просто рассматривает «*одну* культуру и не просто *один* язык, а прежде всего различные сферы коммуникации, поведение и ценности в повседневной жизни, в профессиональных контактах, экономике, науке, религии и т. д., которые проявляют свои лексические, прагматические и текстуальные особенности и которые связаны с разнообразными коммуникативными условиями» [Там же, с. 21]. Культуроведческая лингвистика представлена в виде трехмерной модели, состоящей из трех осей: «этнической, территориальной или национально-культурной специфики (*гумбольдтианская ось*), ось коммуникативной диверсификации дискурса (*дискурсивная ось*) и, наконец, ось исторического развития (*диахроническая ось*)». [Там же, с. 22–23]. В рецензируемом исследовании «взаимосвязь культуры и языка рассматривается с перспективы как гумбольдтианского, так и дискурс-сенситивного подходов. Но превалирует все же дискурс-сенситивная парадигма» [Там же, с. 43]. Аргументация такого подхода сформулирована автором в последующих 2-5 главах, в которых дается обзор основных концепций и направлений как культурологического, так и культуроведческого характера, начиная с XIX века и кончая XXI веком. Анализ взглядов

известных ученых (Вильгельма фон Гумбольдта, Йоганна Лео Вайсгербера, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Потебни, Анны Вежбицкой и др.), принадлежащих к культурологическому (гумбольдтианскому) направлению, позволил сделать вывод о том, что «взаимосвязь языка, культуры и мышления может рассматриваться как с грамматической перспективы..., так и с лексической» [Там же, с. 70]. Современные лингвистические направления в качестве основного инструмента исследования используют лексико-концептуальный анализ, ограниченный в своих возможностях как субъектом, так и объектом анализа. В частности, «результаты анализа концептов должны иллюстрировать культуру в полном объеме. Но эмпирический материал для анализа, как правило, отбирается из ограниченного корпуса, состоящего из текстов высокой культуры. А это, в свою очередь, означает, что речь идет не о языке как проявлении культуры в целом, а о языке и концептуализации лишь одного из сегментов данной культуры» [Там же, с. 71].

В третьей (с. 72–85) и четвертой (с. 86–104) главах проф. Х. Куссе, опираясь на традиции, давшие импульс созданию и развитию культуроведческой лингвистики, сумел доказать неразрывную связь гумбольдтианского и дискурсивного направлений. Поскольку «дискурсивно-дифференцирующая культуроведческая лингвистика позволяет проводить исследование на всех уровнях актуализации объекта, она базируется на достижениях как функциональной лингвистики, так и прагматической лингвистики» [Там же, с. 72]. Центральной, основной, является пятая глава, в которой дано определение основным понятиям, релевантным для описания и анализа дискурсивного подхода в современном языкознании. Собственное отношение к определению понятия *дискурс* автор формирует не только на основе критического анализа различных концепций и направлений, взглядов ученых (Эрнеста Кассирера, Юргена Хабермаса, Мишеля Фуко, К. Вулленвебера, Чарльза Морриса и др.), но и после многоаспектного анализа фактического материала, дающего возможность выявить специфику дискурсивного направления. В настоящее время существует четыре концепции дискурса: дискурс-анализ, под которым «понимается разговорный анализ, или анализ разговора, который в значительной мере представляет собой интеракционный синтаксис»; «публицистическое употребление данного термина в значении *дебатов* или дискуссии»; «коммуникативно-этический подход к пониманию дискурса немецкого философа Юргена Хабермаса»; концепция дискурса, принадлежащая Мишелю Фу-

ко, которая гласит: «дискурс охватывает все, что создается человеческим обществом вследствие коммуникации» [Там же, с. 109].

Книга проф. Х. Куссе вписана в современный теоретический контекст, поскольку опирается на солидную эмпирическую базу, включающую рассмотрение пяти наиболее значимых дискурсов: политического (6 глава), религиозного (7 глава), правового (8 глава), экономического (9 глава), научного (10 глава). Представление о взаимосвязи различных дискурсов нашло отражение в ряде исследований, новизна подхода проф. Х. Куссе состоит в том, что он выявляет определенные закономерности, связанные как с формой, так и содержанием анализируемых дискурсов. Впервые политическая, религиозная, правовая, экономическая и научная лингвистики рассматриваются одновременно, с учетом их дискурсивного функционирования.

В шестой главе автор рассматривает обширную литературу, посвященную политическому дискурсу [Там же, с. 133–159], с точки зрения таких значимых характеристик, как тип дискурса, метадискурс, дискурс на уровне текста, высказывания, язык дискурса. Политический дискурс, вслед за Чарльзом Моррисом, проф. Х. Куссе определяет как прескриптивно-валюативный и перлокутивный, поскольку «политическая деятельность – это деятельность, побуждающая к действиям и предотвращающая действия, а с точки зрения теории речевых актов коммуникацию в политическом дискурсе следует характеризовать не только как первично директивную, но и как перлокутивную» [Там же, с. 134]. Синкретичный характер политического дискурса проявляется в его тесной связи, с одной стороны, и с другой – существенными отличиями от религиозного и пропагандистского дискурсов [Там же, с. 134–140]. Подробно рассмотрены коммуникативные сферы политического дискурса, различные жанры и формы коммуникации в рамках дискурса; установлено, что дискурсивными речевыми актами политического дискурса являются: оценивание как ревальвация собственной персоны, группы или позиции и девальвация персоны, группы или позиции соперника; дипломатическая директива; инстанцирование ценностей; формирование и обоснование нормативных установок; оправдание действий и решений [Там же, с. 158].

Глава седьмая посвящена рассмотрению религиозного дискурса, который определяется, в соответствии с концепцией Чарльза Морриса, как прескриптивно-инцидивный, поскольку «форма религиозного коммуникативного действия является предписывающей (прескриптив-

ной), а цель дискурса заключается не только в том, чтобы заставить человека внешне следовать религиозным предписаниям, но и (инцидивно) превратить его в личность прескриптивного типа» [Там же, с. 160]. Определяя религию как «особую форму знания о сущности мира и смысле собственной жизни» [Там же, с. 162], проф. Куссе пишет о том, что религия не может быть сведена лишь к определенному типу, что она включает еще два дискурсивных типа: оценочно-информативный мифический и десигнативно-систематизирующий космологический. Описывая религию в аспекте оппозиций, таких как знание и поиск смысла, обращение Божие и ответ, приватное и публичное, автор выявляет ряд парадоксов дискурса [Там же, с. 160–169], реализуемых в религиозном дискурсе на уровне текста, высказывания и языка [Там же, с. 176–182]. В заключительном параграфе главы автор рассматривает религиозоведческую лингвистику, указывая, что причиной некоторой осторожности языкознания по отношению к религиозному языку является то, что «он требует особого личностного подхода, наличия внутреннего религиозного опыта в значительно большей мере, нежели политический или правовой дискурсы. Возможно, поэтому религиозная коммуникация будет представлять в дальнейшем еще меньшее общественное значение, чем политическая, экономическая и медийная коммуникации» [Там же, с. 182].

В следующей главе рассмотрен правовой дискурс, которому «приписываются десигнативные и инцидивные свойства, свидетельствующие о том, что в аспекте своего модуса (формы выражения) данный дискурс обозначает и описывает обстоятельства, а в аспекте цели его употребления – побуждает к действиям» [Там же, с. 184]. Всестороннее исследование правового дискурса базируется на таких понятиях, как дискурс и метадискурс, внешний и внутренний метадискурс. Внешний метадискурс связан с вопросами «корреляции права и морали, а также права и справедливости», кроме того, с вопросом «о природной данности или нормативности внедрения права (естественное или позитивное право)» [Там же, с. 205]. Внутренний метадискурс «включает проблемные сферы как правоведческого, так и лингвистического характера», к которым относятся проблемы однозначности и двусмысленности правовых понятий, фиксация семантического центра и периферии, точность, гибкость и понятность нормативных актов, соотношение профессионального и общеупотребительного языка [Там же, с. 205]. Интересен ряд наблюдений и выводов автора, в частности о том, что «в немец-

ком языке именно в рамках юридической теории, а не лингвистики была выработана семантическая терминология», включающая такие понятия, как *граница дословного текста, сфера субординации, ядерное значение понятия, лексико-семантическое поле* [Там же, с. 197].

Девятая глава посвящена исследованию экономического дискурса. Это наиболее объемная часть, вследствие того что экономический дискурс не был предметом исследования в рамках типологии Чарльза Морриса из-за своей диффузности, синкретичности, затрудняющей установление смыслового ядра и структурного центра «прототипных коммуникативных ситуаций, институтов, жанров или текстов» [Там же, с. 206]. Кроме того, по мнению автора, обширные коммуникативные контексты и коммуникативные формы усложняют установление границ экономического дискурса [Там же, с. 207], в силу чего экономический дискурс находится на стыке политического, пропагандистского, риторического, социально-технологического, мифического и даже религиозного, «в настоящее время отчасти тоталитарного» [Там же, с. 244].

Выделяя две коммуникативные сферы экономического дискурса (деловую коммуникацию и рекламу), автор рассматривает их с точки зрения коммуникативных действий (внутренних и внешних) на уровне текста, высказывания, акцентируя внимание на взаимосвязи и взаимозависимости различных дискурсов и «их языковых и коммуникативных правил» [Там же, с. 224].

Научный дискурс стал объектом рассмотрения в десятой главе, в которой он, в соответствии с типологией Чарльза Морриса, определяется как *десигнативно-информационный*, поскольку основная цель его – «создание систематизированного корпуса точных и достоверных высказываний обо всех предметах и явлениях, которые имели место в прошлом или наблюдаются в настоящем» [Там же, с. 247]. Указывая на определенные недостатки такого определения, проф. Х. Куссе предлагает дополнить его указанием на «эксплицитно аргументативный и диалогический тип дискурса» [Там же, с. 250]. Рассмотрение научного дискурса на уровне высказывания и текста позволил автору выявить границы в понимании термина *наука*, установить специфические характеристики научного дискурса в разнотипных языках, аргументированно доказать наличие национальных научных стилей.

Допустимые объемы рецензии позволили обсудить лишь небольшую часть вопросов, которые рассматриваются в монографии. За пределами обсуждения остались такие интересные проблемы, как критерии разграничения дискурса и

метадискурса, взаимосвязь и взаимозависимость различных дискурсов, не проясненным является вопрос соотношения внутреннего и внешнего метадискурса.

Подытоживая сказанное, следует подчеркнуть, что, во-первых, труд проф. Ф. Куссе, помимо высокой собственно исследовательской ценности, является образцом научной этики. Книга характеризуется высокой полнотой отсылочного аппарата при использовании идей предшественников, а также корректностью полемики при рассмотрении дискуссионных вопросов. Во-вторых, данная монография вносит весомый вклад в создание теоретической базы культуроведческой лингвистики.

Список литературы

Куссе Х. Культуроведческая лингвистика. Введение / пер. с нем. М. Новоселовой. Казань: Изд-во Казанского университета, 2016. 372 с.

Kuße H. Konjunktionale Koordination in Predigten und politischen Reden. Dargestellt an Belegen aus dem Russischen. München: Otto Sagner, 1998. 523 s.

Kuße H. Metadiskursive Argumentation. Linguistische Untersuchungen zum russischen philosophischen Diskurs von Lomonosov bis Losev. München: Sagners slavistische Sammlungen, 2004. Bd. 28. 592 s.

Kuße H. Tolstoj und die Sprache der Weisheit. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. 159 s.

Kuße H. Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. 319 s.

References

Kusse, X. (2016). *Kul'turovedcheskaïa lingvistika. Vvedenie* [Cultural Linguistics. An Introduction]. Per. s nem. M. Новоселовой. 372 p. Kazan', Izd-vo Kazanskogo universiteta. (In Russian)

Kuße, H. (1998). *Konjunktionale Koordination in Predigten und politischen Reden* [Conjunctive Coordination in Sermons and Political Speeches]. Dargestellt an Belegen aus dem Russischen. 523 p. München, Otto Sagner. (In German)

Kuße, H. (2004). *Metadiskursive Argumentation. Linguistische Untersuchungen zum russischen philosophischen Diskurs von Lomonosov bis Losev* [Metadiscursive Reasoning. Linguistic Studies of the Russian Philosophical Discourse from Lomonosov to Losev]. 592 p. München, Sagners slavistische Sammlungen, Bd. 28. (In German)

Kuße, H. (2010). *Tolstoj und die Sprache der Weisheit* [Tolstoy and the Language of Wisdom]. 159 p. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht. (In German)

Kuße, H. (2012). *Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung* [Cultural Studies in Linguistics. An Introduction]. 319 p. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht. (In German)

The article was submitted on 15.09.2017

Поступила в редакцию 15.09.2017

Фаттахова Наиля Нурыйхановна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
n-fattahova@mail.ru

Fattakhova Nailya Nuryikhanovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
n-fattahova@mail.ru